

Это был обычный день в маленьком продуктовом магазине на улице де-Терм. Вдоль прилавков бродила женщина с сыном Тео, импозантный мужчина с молодой любовницей заскочил внутрь, старуха с опекуном стояли в очереди у кассы. Все было так, как в самый обычный день, пока в мини-маркет не ворвался парень с пистолетом и не взял посетителей в заложники. Случайно Тео удалось перехватить пистолет. Он выстрелил в грабителя и попал ему в спину. Но только посетители магазина вздохнули с облегчением, как мать подростка забрала пистолет и приказала всем оставаться на своих местах.

По щекам начинают течь слезы. Подросток обхватывает голову руками и начинает раскачиваться в ритме своего отчаяния.

— Мама! Что я наделал! — рыдает он жалобно, словно зовет на помощь. — Что я наделал!

— Тео, возьми себя в руки! Сейчас не время...

Алин сделала свой выбор. Тот, которого у нее не было. Выбор по умолчанию. Впившись пальцами в рукоятку пистолета, она держит кассира на мушке, пока он возвращается к остальным, опускается на пол и замирает.

БАРБАРА АБЕЛЬ

НЕВИННОСТЬ ПАЛАЧЕЙ

БАРБАРА АБЕЛЬ

НЕВИННОСТЬ
ПАЛАЧЕЙ

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3652-8

9 785991 103652 8

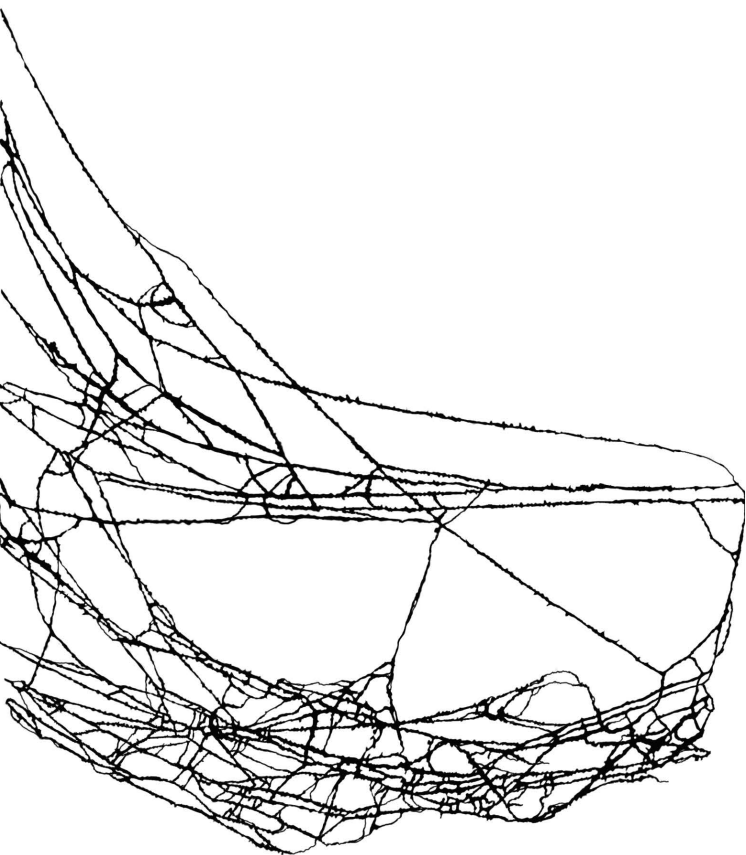
www.bookclub.ua

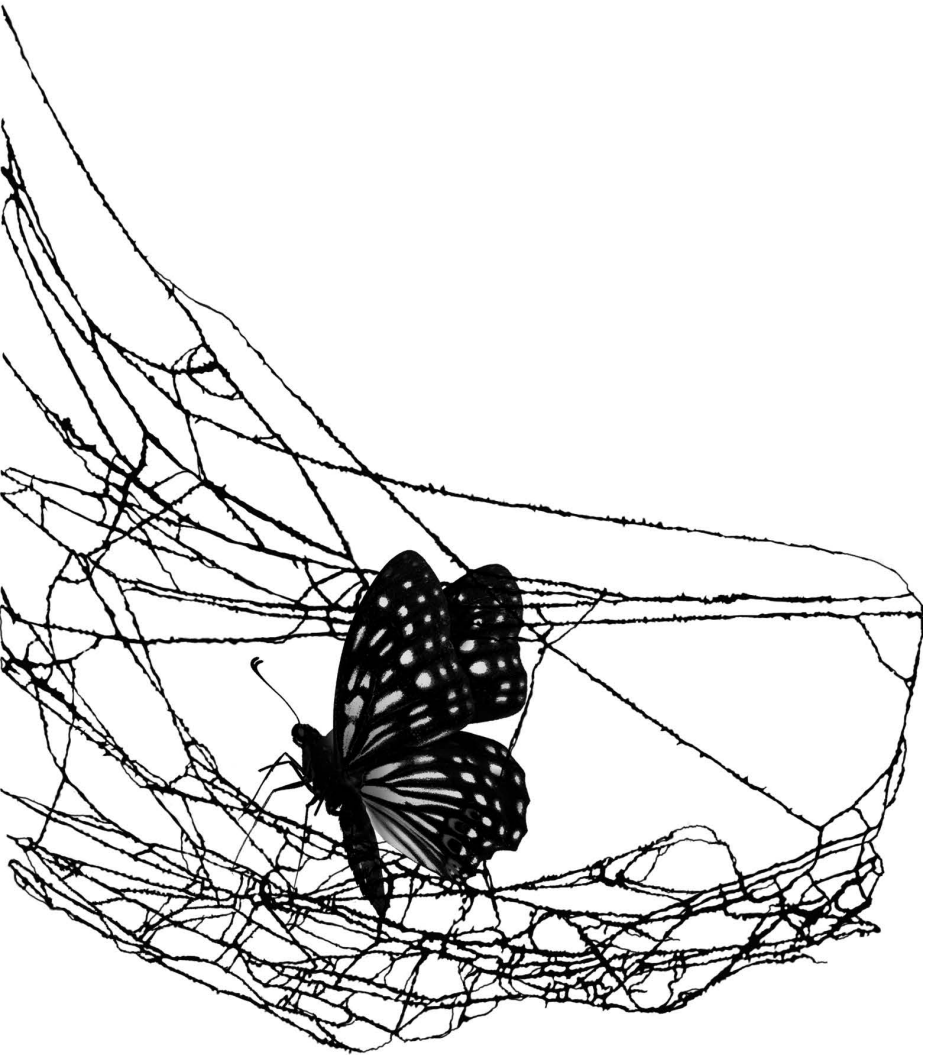
ISBN 978-617-12-1320-3

9 786171 213203

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

БАРБАРА АБЕЛЬ

**НЕВИННОСТЬ
ПАЛАЧЕЙ**

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2016

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)
А14

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Выражаем особую благодарность
литературному агенту Анастасии Лестер
за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

Переведено по изданию:
Abel B. L'innocence des bourreaux : Thriller / Barbara Abel. —
Paris : Belfond, 2015. — 319 p.

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-617-12-1320-3 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3652-8 (Россия)
ISBN 978-2-7144-6029-5 (фр.)

- © Belfond, un département de Place des Editeurs, 2015
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

ЖОАКИМ ФАЛЛЕ

Жо дрожит. Ему так холодно, что невозможно терпеть, и холод этот — жалящий, мучительный, яростный. Словно кости много часов подряд пролежали в холодильнике.

И теперь он — ледяной скелет...

Замерзшая мясная туша.

И вдобавок — невыносимые спазмы в желудке. Будто стальные тиски, они сжимают все внутри, выкручивают кишки так, что приходится корчиться и выгибаться, чтобы хоть как-то уменьшить боль. Помогает слабо и ненадолго. Уже и так согнувшийся в три погибели, Жо пытается скрючиться сильнее — наверное, чтобы исчезнуть полностью и унести с собой мерзкую мýку, терзающую мышцы и внутренности. Кишки, изъеденные ядом, похожи на насос, вбирающий в себя все, что шевелится и живет, в том числе и кровь, которая, если верить ощущениям, застыла в жилах. Безжизненным, холодным, ссохшимся — таким было бы тело, если бы не ледяной пот, покрывающий его с ног до головы, словно пленка, одновременно тягучая и липкая, сочащаяся смертью.

Тошнота. Судороги. Спазмы...

А потом возникает мысль — одна-единственная, настоятельная, навязчивая. Нужна доза! Срочно, под страхом смерти. Жо делает над собой усилие, сплевывает гнусное ругательство, изрыгает свою боль протяжными стонами, пытается шевельнуть ногой, рукой, разлепить веки... И сразу сдается. Нужно подождать. Криз пройдет,

как проходят мерзкие часы этой угасающей по спирали, тошнотворной жизни.

Жо снова погружается в небытие — отныне его единственное прибежище.

Когда он открывает глаза, свет причиняет не меньше боли, нежели укол в сетчатку. Сознание взрывается, словно расстреливаемый из пулеметов склеп. Веки моментально смыкаются, и наваливается страх перед новыми муками. Все чувства обострены, Жо прислушивается к своим ощущениям. Мышечная боль ушла, желудочные спазмы тоже, его больше не мучают холод и тошнота. Но радоваться рано: если он не достанет героин — и быстро! — криз вернется с новой разрушительной силой. Нужно вставать, у него нет выбора и времени тоже нет — нужна доза. побыстрее натянуть первое, что попадет под руку, снова сделать свое тело послушным — включиться в реальность, как подключают к источнику питания компьютер.

Жо собирается с силами, и ему в конце концов удается сесть на постели. Он сглатывает слюну, которая, словно наждачная бумага, продирает горло и пищевод, кажется, до самого желудка. Ему хочется пить. Он оглядывает комнату в поисках бутылки или стакана с водой — чего-нибудь, чем можно утолить жажду. В поле зрения попадает раковина, а над ней — водопроводный кран. Он настолько измотан последним приступом ломки, что встать получается только по прошествии многих долгих минут. Не глядя под ноги, Жо делает несколько нетвердых шагов, распахивая валяющиеся на полу газеты, несвежую одежду, грязные тарелки, какие-то объедки, перевернутые пивные бутылки, с остатками жидкости и пустые, и использованные шприцы. Спотыкается, восстанавливает равновесие, облизывает шершавым языком потрескавшиеся губы, доходит наконец до мойки и наклоняется, чтобы утолить жажду.

Мало-помалу движения становятся скоординированными, руки и ноги пусть не сразу, но начинают слушаться, тремор сходит на нет. Ценой ежесекундных мучений Жо собирает себя в кучу, не имея перед глазами ни схемы, ни инструкции по эксплуатации, и, как следствие, результат его не радует. Он чувствует себя разбитым, разобранным на детали. Задача — связать мысль с движением. Намерение с поступком.

Скоро в голове все становится на свои места. Неотложная потребность превращается в цель. Жо выворачивает карманы, перерывает квартиру и свою память в надежде найти несколько завалявшихся купюр — свой пропуск на острова «Trip and Dream»¹, как он их называет; магическое средство, с которым он, возможно, доживет до завтра, не ощущая желаний содрать с себя шкуру, вырвать волосы и глаза.

И чем дальше он ищет, тем быстрее его поглощает бездна. Он находит немного денег в своем тайнике «number three» — намного меньше, чем ожидал. И уж точно намного меньше, чем стоит доза. Тайники «number one», «number two» и «number four» безнадежно пусты. Катастрофа...

Черты его лица заостряются, зубы сжимаются. Жо ощущает, как сердце стучит в груди, и перспектива провести целый день без героина разворачивается перед глазами, словно дорога, испещренная ухмыляющимися демонами. Пережить это невозможно, он это точно знает, впереди только смерть. Нужна доза, и это вопрос выживания. Желудочные спазмы возвращаются — как всегда, эффективные до зубовного скрежета, но это лишь намек на боль, которая еще придет, прелюдия к страданиям, которые хуже самой боли. Ко всему добавляется стресс. Он усиливает напряжение, делает пытку неотвратимой.

¹ «Путешествие и мечта» (англ., досл.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Паника на борту...

Бледный как полотно, Жо в раздражении кружит по комнате, потом обхватывает голову руками в попытке укротить судорожно подергивающиеся мышцы. Страх перед новой ломкой — это как инъекция в мозг разъедающего яда, его действие моментально ощущается в каждой клеточке тела. Ему кажется, еще немного — и голова взорвется. Пользуясь моментом, тошнота, как волчок йо-йо, начинает скакать в горле вверх-вниз, подкатывая к самым губам.

Жо заставляет себя сделать вдох, потом еще один и еще. Возвращается к мойке, плещет себе в лицо водой. Ощущение прохладной влаги на коже на некоторое время заставляет забыть о разъедающей его изнутри муке. Нужно раздобыть денег... Варианты теснятся в голове — имена, лица, номера домов и названия улиц. Обрывки фраз. Он перебирает в уме приятелей, кто мог бы помочь решить проблему, по крайней мере на сегодня. Дрожащими руками начинает перекладывать вещи, обшаривать весь этот хаос в комнате в поисках мобильного и в конце концов его находит. Несколько нажатий, и открывается список контактов. Имена пробегают перед глазами — нечувствительные к его боли, безучастные к его отчаянию. Никто из этих людей, он это точно знает, не согласится помочь.

Дойдя до буквы «М», Жо цепляется взглядом за слово. Не имя и не прозвище... «Мама». Сердце сжимается в груди — обескровленное, искромсанное этими танцующими перед глазами четырьмя буквами. Женское лицо возникает перед глазами, и он внезапно замирает, до головокружения опьяненный знакомым запахом, которого так давно не ощущал. Палец за висает над кнопками... Жо колеблется. Жестокая борьба между угрызениями совести и обидой вспыхивает у него в сердце, в душе, разъедает его изнутри: желание горько упрекнуть, обвинить, и такое же сумасшедшее, — услышать ее голос, сложить оружие, позвать на

помощь. Вернуться домой. Наконец наступает момент, когда ненависть и вера перехлестывают через край, и он нажимает указательным пальцем на кнопку вызова, а в сознании, практически сам собой, формируется ультиматум: «Если она ответит, я завяжу. Лягу на детоксикацию. Перестану маяться дурью. Мы с ней будем общаться, как раньше. Я попробую. Наведу порядок в своей жизни».

Жо и сам не знает, верит он себе или нет. Но ему нужен повод для звонка. Нужно откуда-то взять силы, чтобы слушать гудки, раздающиеся в тишине его беспомощности. И каждая следующая секунда заставляет его затаить дыхание, останавливает время, подвешивает в пространстве безумную надежду, что все вот так, легко и быстро, может решиться.

После четвертого гудка включается автоответчик.

Жо закрывает глаза.

Раньше, чем успеваешь прозвучать ее голос, он нажимает на «сброс».

Потом несколько часов бродит от поставщика к поставщику, спрашивает, умоляет, рассказывает, как ему плохо. Водит по улицам свое изголодавшееся по наркотику, пище и любви тело, и его блестящие, обведенные кругами смерти глаза смотрят, кажется, не из глазниц, а прямо из поглотившей его черной ямы неутоленной наркотической потребности. Он заискивает перед ними, как дерьмо, хуже, чем собака. «Нет денег, нет наркоты!» Правило простое, действует для всех, и для таких отбросов, как он, исключений не существует. И тогда Жо срывается и катится по наклонной — длинный, головокружительный спуск в катакомбы человеческого достоинства. С рыдающим сердцем он переступает последний предел, отшвыривает принципы, плюет на остатки гордости. Предлагает свои услуги, свое тело, свой рот. На помойку моральные нормы, добродетель — туда же! Душу — в канаву... Приходится сносить презрение,

оскорбления, а порой и побои, если его мольбы отвлекают людей от их занятий. Жо готов на все, он тонет в трясине абстинентного синдрома.

Близится полдень. Жо обошел всех знакомых, и ждать ему больше нечего. Силы покидают его, а боль атакует, и с ней — призрак ада на земле. Уже находясь на самом дне, он не может отделаться от чувства, что под ногами разверзается новая пропасть. До сих пор ему всегда удавалось найти дозу и ускользнуть от мучений. Подальше от презрения, от взглядов незнакомых людей и ненависти родных... Но сегодня ему кажется, что все потеряно и все двери неумолимо закрыты.

Сегодня он лишился всего.

Или, скорее, сегодня ему уже нечего терять.

И тогда он принимает решение, которое напрашивается само собой. Последний шанс не умереть в одиночестве, как кусок дерьма, как собака... Деньги он возьмет там, где они есть. Силой. Он просил вежливо, и это ни к чему не привело. Никто не стал его слушать, никто не услышал. Значит, он пойдет и попросит по-плохому. Потребуется. В приказном порядке. С криком, чтобы точно знать, что тебя услышат и поймут. Он пригрозит. Возьмет столько, сколько захочет. Хватит быть жертвой! Он станет палачом — тем, кто распоряжается, тем, кого все боятся.

Жо мысленно пережевывает свою злость. С этой минуты она — его движущая сила. Он останется жить хотя бы для того, чтобы показать им всем, каков он на самом деле, чтобы однажды заставить заплатить за все... Он не отступится, он выживет, поднимется на эту гору, и все, кто сегодня захлопнул дверь у него перед носом, горько пожалеют о своем равнодушии, презрении и недоброжелательности. И не важно, во что это обойдется. Не важно, чем придется рискнуть ради утоления жажды мести и какие будут последствия и ущерб.

Сегодня ему уже нечего терять.

Жо случалось воровать по мелочам: шарить по карманам, вырывать сумки из рук, красть с прилавков. Чего не сделаешь с голоду... Мелкое воровство — жалкая добыча. Почти ни на что не годная. Пока однажды в метро он не стащил сумочку у молодой женщины самого что ни на есть благопристойного вида. Обычная горожанка, из тех, кто всю жизнь служит в конторе, прекрасная мать и примерная супруга. Жо вывернул содержимое сумки и нашел, что искал, — кошелек с несколькими спасительными банкнотами. И кое-что, чего не искал: пистолет. Маленький. Автоматический. Боязливые дамы носят такие в своих сумочках.

С полной обоймой.

Жо принес пистолет домой и положил в шкафчик над мойкой, на вторую полку, справа, — чтобы не бросался в глаза. И забыл про него. Он никогда не интересовался огнестрельным оружием. Но может и передумать, если вынут обстоятельства...

К горлу снова подступает тошнота. Начинают мерзнуть кости. На первых порах не явный, холод постепенно усиливается, как туман, который распространяется по долине, неотвратимо проникает в каждый закуток, заполняет собой все пустоты, проскальзывает в каждую расселину. Тело превращается в оледеневший хрящ, самое костный мозг — в лед, становится больно шевелиться, желудочные спазмы дают о себе знать узловатым эхом, внутренности выкручивает изворотливая угроза боли, и мысли о надвигающемся кризе заставляют отбросить последние сомнения.

Жо возвращается домой за пистолетом. Бабская пукалка... В его костлявой руке она кажется игрушечной. Он проверяет обойму: все патроны на месте. Аргумент, и весьма весомый. Ведь он хочет быть уверенным, что его услышат. И воспримут всерьез.

Жо выуживает из вороха одежды балаклаву — закрывающую лицо трикотажную маску с отверстиями для глаз. Жесты у него нервные, порывистые, тело передвигается само собой, как повозка без возницы... В поисках солнцезащитных очков он долго роется в мусоре на полу, на столе, на продавленном канapé, которое чаще всего служит ему постелью... ладно, местом, где можно поспать. Наконец находит очки и перчатки тоже.

Ну и что теперь?

Время поджигает, ломка с каждой минутой набирает обороты, отнимает силы. Впрыскивает озноб прямо в позвоночник. А потом душит в своих смертельных объятиях...

Сунув пистолет в правый карман куртки, балаклаву, очки и перчатки — в левый, Жо садится в первый попавшийся поезд RER¹. Выбирает станцию подальше от своего квартала — вокзал в спокойном парижском пригороде. Сойдя с поезда, какое-то время бродит по улицам, ищет объект. Банк? Слишком жирно для него. Может, почтовое отделение? Слишком много народу. Ресторан? Там нет наличных, клиенты обычно расплачиваются кредитками.

На углу улицы де-Терм он находит то, что нужно. Мини-маркет самообслуживания, устроенный в здании, некогда служившем складом, о чем беззастенчиво напоминает грубоватая нагота конструкций из бетона и стали, рассеянное неоновое освещение и некоторое отдаление от остальных уличных построек. Перед магазином — крошечный паркинг и только два авто. По-видимому, посетителей тут немного... Идеальное место.

Жо сглатывает комок в горле. И направляется к витрине — медленно, по-крабьи, потому что тело его напряжено

¹ RER — система скоростных наземных железнодорожных линий, обслуживающих Париж и пригороды.

от волнения, боли и острой потребности в наркотике. И от страха. Заглядывает через стекло. В магазине почти пусто. Возле кассы — молодая пара. Слева от них, по центральному проходу, грузная пожилая женщина катит инвалидное кресло, в котором сидит дама едва ли намного старше ее самой. Им навстречу направляется женщина средних лет, она только что вошла в магазин. Естественно, кассир... Вот, пожалуй, и все. Но нет, в глубине помещения еще кто-то есть. Жо вытягивает шею и встает на цыпочки, чтобы рассмотреть получше. Это женщина — молодая, и одна, без спутника. Отлично!

Жо колеблется, чувствует, как колотится в груди сердце — так, словно хочет вырваться из тюрьмы плоти и выпрыгнуть наружу. В правом кармане куртки он нащупывает рукоятку автоматического пистолета. Ствол на месте, от этого становится спокойнее. Жо шумно тянет носом воздух, потом вытирает сопли рукавом. Думай не думай, а идти надо, пока не набралось больше покупателей. Лево́й рукой он вытаскивает из кармана балаклаву и солнцезащитные очки и отходит от витрины, чтобы спокойно, не дергаясь, их надеть. В последнюю очередь натягивает перчатки.

Заставляет себя встряхнуться. И тут происходит мощный всплеск адреналина, который внезапно проснувшееся сознание впрыскивает ему прямо в сердце. Пора! Пора воспользоваться энергией страха, выжать максимум из своего ослабленного организма... Жо механическим жестом поправляет балаклаву, очки на носу, потом вытаскивает пистолет.

И широкими нервными шагами преодолевает расстояние, отделяющее его от входа в магазин.

Распахивает дверь.

Заскакивает внутрь и кричит:

— Все на пол! Кто шевельнется, получит пулю!

РАНЕЕ, В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Алин Верду, 43 года, и Тео Верду, 15 лет

Нужно оставаться спокойной, чего бы это ни стоило... Конфронтация ни к чему не ведет. Если, конечно, не хочешь выйти из себя, потерять лицо, потерять свое время. Причем — совершенно впустую. С некоторых пор Алин Верду живет с неприятным чувством, что все валится из рук. С ощущением беспомощности. С ощущением, что ты не в силах справиться с обстоятельствами, в которых нет ничего необычного, — просто жизнь с ее кортежем случайностей. Усталость... Нежелание зря тратить силы.

— Тео! Мне будет приятно, если ты поедешь со мной к бабушке. Он тоже обрадуется.

— Серьезно? У деда память как решето, он уже не помнит, кто я!

— Неправда. В прошлый раз он спрашивал, как у тебя дела.

— Можно поехать завтра.

— То же самое ты говорил вчера.

— Ты бредишь, ничего такого я не говорил.

— Может, прервешься, когда я с тобой разговариваю?

«Впереди по курсу вражеский самолет!»

— Сейчас не могу! Нужно прикончить этот... кусок дерьма! На, получай!

— Тео, не сквернословь!

— Да ладно, мам! Может, оставишь меня в покое? Я не хочу ехать к деду. Бесплезная трата времени. Даже если он меня узнает, то забудет, что я приезжал, как только дверь за нами закроется.

— Да, но мне все равно хотелось бы, чтобы ты поехал со мной.

Женщина и подросток. Мать и сын. А между ними — экран. И все, конец диалога. Начало боевых действий. Сценарий, который Алин знает наизусть. Тео, впрочем, тоже. Но если мать боится его повторения и сдерживается, несмотря на желание упрекнуть, сын дерзко отмечает ее попытки решить дело миром, у него всегда наготове возражения. И пока она старается не сорваться, он теряет к происходящему интерес. Женщина цепляется за остатки авторитета, которым, как ей кажется, она еще обладает, — и подросток разбивает его вдребезги нажатием кнопки на контроллере своей PS4.

— Сдохни, придурок!

— Тео!

— Мам, я не с тобой разговариваю...

В этом-то и проблема. С некоторых пор он разговаривает не с ней. Тео говорит с приятелями, с экраном компьютера, с телефоном, с котом, иногда даже сам с собой... Но все реже и реже — с ней, своей матерью.

Алин давно прошла этап, когда задаешься вопросом «Куда делся ласковый, веселый ребенок, который смотрел на меня с такой любовью и восхищением?». Поставила крест на прошлом и своих воспоминаниях о шаловливом и дружелюбном маленьком мальчике. И той матери, какой она была. Которой достаточно было нахмуриться, чтобы

вернуть Тео на путь истинный. Которая могла, не стыдясь, поцеловать своего малыша, обнять, приласкать. Дать ему совет. Поделиться с ним мороженым, задумкой, секретом. И, наверное, самое мучительное — это отражение себя самой, которое она видит в глазах сына. Отжившая свой век. Has-been¹. Тупая. Старая. Дура. Старая дура...

У Тео богатый лексикон. Он ругается часто и грязно. И давно забыл, что при родителях, вообще-то, это делать не принято. Он позволяет себе говорить все, что думает, когда хочет и в какой хочет форме. Алин же пользуется избитыми родительскими формулировками, которые давным-давно слышала из уст собственной матери и зарекалась повторять в разговоре со своими детьми: «Не-смей-говорить-со-мной-таким-тоном, я-не-твоя-подружка!» И это тоже больно — осознавать, что сын испытывает к тебе чувства, которые ты сама когда-то испытывала к родителям: смесь жалости и пренебрежения, приправленную раздражением. И Алин привыкает к «Да ладно, мам, оставь меня в покое!», «Ну ты меня достала!» и «Ну да, конечно...», сопровождаемым тяжелым, усталым вздохом. Это цена мирного сосуществования, каким бы иллюзорным оно ни казалось.

Но сегодня, когда Тео — ее сын, ее мальчик, ее малыш, этот ласковый, веселый ребенок, еще недавно смотревший на нее с любовью и восхищением, — бросает очередное «Мам, я не с тобой разговариваю!», как будто происходящее не заслуживает внимания, Алин Верду ощущает, как плотина здравого смысла начинает шататься. Гигантская волна перехлестывает через руины их бывшего взаимопонимания, оставляя позади бесформенные осколки — разбитый остов, никому не нужные отбросы.

— Тео, ты сейчас же выключаешь приставку и едешь со мной. Сейчас же!

¹ Человек, утративший прежнее положение, способности, красоту (англ.).

Тон переменялся. Стал жестким, повелительным, резким. Подросток ощущает надрыв, это порожденное обидой дрожание, этот сигнальный звонок о том, что от него требуют извинений, эту вспышку гнева. Он поднимает глаза и смотрит на мать с удивлением и недоверием. Понимает, что переступил черту, но суть происходящего от него ускользает.

— Мам, ты чего? — оторопело спрашивает он.

— Хочу, чтобы ты поехал со мной, — вот чего!

— Твою мать! Мам, я...

— Заткнись!

Она произносит это слово дрожащим шепотом. Еще немного — и падет последний заслон, плотина рухнет. Тео ммурится. Похоже, он не расслышал как следует.

— Что?

— Заткнись и иди за мной!

На этот раз Алин срывается на крик. Взгляд у нее безумный, губы дрожат. Угрызения совести моментально схватывают ее за горло. Ее реакция ничем не оправдана, ненормальна, необоснованна. Это так на нее непохоже... Она огорчена, но чувство стыда только распаляет ее гнев. Алин злится на себя за то, что накричала на сына, и еще сильнее злится на него, потому что это он спровоцировал ее на такую низость. Она попала на удочку ярости и потеряла самообладание, совершенно растерялась, выставив себя перед Тео гнусным, вульгарным ничтожеством. Досада удваивает ее раздражение, и на глазах у ошарашенного подростка Алин теряет над собой контроль. Она вырывает контроллер у него из рук и изо всех сил швыряет о стену. Гаджет не рассыпается от удара, но на пол падает с таким характерным звуком, что сомнений в том, работает он или уже нет, не остается. У Тео вырывается вопль изумления и испуга, потом он поднимает глаза на мать.

— Мой контроллер! — кричит он так же громко, как она. — Ты больная, да? Я... Ты...

— Проблема решена, — отвечает Алин, возвращаясь в состояние ледяной безмятежности. — Нет контроллера — нет игр. Теперь ничего не мешает тебе поехать со мной.

У подростка шоковое состояние. Он переводит взгляд с матери на контроллер на полу — с виду невредимый, но на самом деле непоправимо испорченный, и он это знает. Волна ненависти захлестывает его, ему хочется ударить, причем сильно, отомстить за ужасное оскорбление, которое ему только что нанесли. Выразить посредством ударов всю силу презрения, которое внушает ему эта женщина. Сгусток огня пожирает его изнутри, воспаляет нервные окончания, отчего во всем теле появляется странное ощущение — как будто то тут, то там неконтролируемо взрываются фейерверки. В животе, в груди, в горле и в голове...

— Ненормальная! Знаешь, сколько стоит контроллер к PS4? — кричит он голосом, охрипшим от волнения и ломки, обычной для мальчиков его возраста. — Идиотка несчастная! Да по тебе психушка пла...

И получает пощечину — хлесткую, оскорбительную. Сочащуюся ядом. Ее эхо несколько долгих секунд висит между ними, потом на щеке у подростка появляется лиловатая отметина. Мятежный порыв подавлен в зародыше, и Тео смотрит на мать теперь уже с ужасом. Непонимание искренне и безгранично... Впрочем, как и обида, которая прорастает у него в душе.

— Изволь разговаривать со мной вежливо! — приказывает мать металлическим голосом.

— Ты за это заплатишь... — шепчет Тео, дрожа от ненависти.

— Ну да, конечно! — отвечает Алин с усталым вздохом, пародируя обычную реакцию сына. Эту фразу она слышит в ответ на свои реплики гораздо чаще, чем следовало бы. — А пока надевай курточку и иди к машине.

Тео остается сидеть стиснув зубы. Выражение лица у него обиженное, даже злое.

— Быстро! — приказывает мать тоном, не терпящим возражений.

Противостояние продолжается еще несколько мгновений. Он не мигая смотрит матери в глаза, его неподвижность — это уже протест, проявление нескончаемого бунта, к которому обязывает подростковый возраст и мириться с которым Алин становится все труднее. Она чувствует себя измотанной, и это ощущение беспомощности, испытываемое каждый раз, когда они конфликтуют, сводит ее с ума, лишает последнего шанса отыскать дорогу к его совести, слова, чтобы его урезонить, эмоции, которые тронули бы его сердце, хотя она и не совсем уверена, что у Тео еще есть сердце... В этом немом диалоге сосредотачивается вся мощь разногласий, копимых неделями, вся горечь, разъедающая обоим души, вся обида, которая отдаляет их друг от друга.

И вдруг Тео встает. Принимает вызывающую позу, решительно скрещивает руки на груди, всем своим видом показывая, что времени у него достаточно и уступать он не намерен.

Алин ощущает себя одинокой и бесконечно усталой. Словно все тяготы мира давят на плечи. Словно на нее ополчилась вся вселенная. Уже много дней — и началось это давно — она балансирует между нервным срывом и полным отсутствием эмоциональных реакций. Блуждает где-то между гиперактивностью и астенией, смехом и плачем, желаниями и унынием. Между розовым оттенка фуксии и безликой чернотой. Друзья говорят о депрессии, предостерегают от состояния, которое в психологии именуется «burnout»¹. Алин в ответ только вздыхает и раздраженно отмахивается.

¹ Эмоциональное выгорание (англ.).

У нее просто тяжелый период, и скоро все пройдет, если ее оставят в покое.

Но покоя в ее жизни, увы, нет.

Мать смотрит на сына, как на противника, чьи силы нужно оценить, — и внутренний голос шепчет ей: «Не уступай!» — исполненная презрения поза сына выводит из себя, желание настоять на своем становится навязчивым, хотя ни логики, ни здравого смысла в этом нет, и она это прекрасно понимает. Осознает всю абсурдность своего упрямства. И ничего не может с собой поделать.

Алин хмурится. Значит, хочешь войны? Секунда, еще один удар сердца... На низком столике она замечает смартфон Тео. Спокойно берет гаджет. Поднимает руку. Смысл ультиматума понятен: или ты делаешь, что я хочу, или с ним случится то же, что и с контроллером.

У подростка перекашивается лицо. На смену пренебрежению приходит сначала недоверие, потом бешенство.

— Отдай телефон! — злобно скалится он.

— Надевай куртку и иди к машине, — выдыхает она едва слышно.

Тео оценивает степень риска по тону матери, ее враждебному взгляду, угрожающей позе. Способна ли она осуществить угрозу? Она доказала, что да, но то была вспышка гнева. А теперь она спокойна и действует больше по расчету, нежели под влиянием эмоций. Ярость угасла, он это чувствует, но может снова вспыхнуть в любой момент — это он чувствует тоже. Чтобы пороховая бочка взорвалась, хватит искры. С недавних пор мать на пределе. Заводится с четверти оборота...

И Тео решает не рисковать.

— Ладно, я иду к машине, — с неудовольствием соглашается он. — Но ты отдашь мне телефон.

— Я не собираюсь ничего отдавать, Тео. Садись в машину и радуйся, что телефон остался цел. Получишь его об-

ратно, когда мы вернемся. Ты спокойно сможешь прожить пару часов без того, чтобы таращиться в экран!

В салоне авто между матерью и сыном повисает тягостное молчание. Глядя вперед, на дорогу, Алин старается успокоиться, найти ответы на вопросы, которые вертятся в голове. Что на нее нашло? Зачем обидела сына, дала ему пощечину, разбила контроллер игровой приставки? Она оценивает ущерб, запрещает себе поддаваться панике, готова на все, лишь бы наладить диалог. Но это ничего не даст, и она об этом знает. Украдкой брошенный взгляд укрепляет ее уверенность. Тео сидит, стиснув зубы, лицо перекошено от злости. Пропась, которая была глубока и до инцидента, стала бездонной. Алин подавляет в себе желание попросить прощения, потому что понимает: еще слишком рано. Момент еще не настал. Это обернется против нее самой.

Она чувствует, что исчерпала все возможные ресурсы и доводы. Отжила свой век. Has-been. Тупая. Старая. Дура. Старая дура...

Мысли ее обращаются к отцу. Он тоже на грани, но его грань — та, за которой начинается небытие. И обратного хода нет. Он на краю пропасти. И уже готов прыгнуть. Дело нескольких недель, может быть, даже дней. Потому-то так важно с ним повидаться, пока есть время, но Тео этого еще не понимает. Когда поймет, будет слишком поздно. К огорчению примешивается печаль. Алин кусает нижнюю губу, не сводя глаз с дороги. И это давящее ощущение в груди... Как если бы сердце вдруг стало слишком большим для грудной клетки, и ребра сжимают его с обеих сторон так, что скоро оно начнет сочиться, — бесформенное, аморфное, сплошная кровоточащая рана.

Сердце, которое вот-вот разорвется.

Перед мини-маркетом на улице де-Терм Алин сворачивает на стоянку и занимает одно из свободных парковочных

мест. Выключает двигатель, несколько секунд в раздумье смотрит перед собой, словно боится, что, заговорив, спровоцирует катаклизм.

— Мне нужно кое-что купить для бабушки, — сообщает она шепотом. — Подождешь тут?

Тео бровью не ведеет. Оскал отвращения, казалось, застыл на его юном, таком подвижном лице, губы плотно сжаты от обиды. Алин вздыхает.

— Вернусь через пару минут.

Она снимает ремень безопасности, открывает дверцу и выходит из автомобиля. Несколько секунд — и она уже открывает дверь и исчезает в магазине.

Жермен Дэйти, 83 года, и Мишель Бурдые, 59 лет

— Мадам Дэйти? Это Мишель! Как вы себя чувствуете?

В ответ — тишина. Хорошо она себя чувствует или плохо, пожилая дама никогда не отвечает на утреннее приветствие помощницы по дому. Мишель не обижается, она давно потеряла надежду установить с Жермен Дэйти дружеские отношения.

За этой старой развалиной она ухаживает уже два года. Трижды в неделю приходит в квартиру к одиннадцати утра, готовит обед, помогает ей поесть и устраивает перед телевизором, а сама хлопочет по хозяйству. Потом на час-полтора вывозит подопечную на прогулку. О самоотречении речь, конечно, не идет, но в остальном Мишель Бурдые добросовестно исполняет профессиональные обязанности, благо нрав у нее незлобивый и мягкий. Работа домашней помощницы не самая увлекательная, но у нее есть преимущество — она оплачивается. Иметь постоянное место и достойное жалованье — большое благо, Мишель это прекрасно известно. В свои без малого шестьдесят она гордится тем,

что справляется сама и ни от кого не зависит. И, что особенно важно, никому ничего не должна.

Вот почему невыносимый характер Жермен Дэтти чаще вызывает у нее улыбку, чем слезы, хотя беспрерывные упреки и язвительные замечания неугомонной ведьмы иногда задевают за живое. Много раз Мишель, это воплощение безмятежности, подавляла в себе желание уйти, оставив старую мегеру вариться в собственной желчи. Ей нравится представлять себе тот сладкий миг, когда ее терпение лопнет: старуха отпустит очередное саркастичное замечание, в равной степени злое и несправедливое, и Мишель вдруг поймет: это предел, мадам Дэтти зашла слишком далеко. И тогда она, Мишель Бурдые, посмотрит на старую гарпию гневно и с достоинством, медленно развяжет фартук, аккуратно его снимет и театральным, дающим неизъяснимое удовлетворение жестом швырнет к ее ногам. Скорее всего, Жермен Дэтти возмутит эта не понятная для нее вспышка. И она пригрозит самым страшным — немедленным увольнением. На что Мишель ответит спокойно и твердо: «Это не вы меня увольняете, старая перечница! Это я возвращаю вам фартук!»

Эту сцену Мишель Бурдые проживала сотни раз. В мыслях. В мечтах. Жалкое удовольствие в сравнении с бесчисленными обидными ремарками, которые приходится сносить от невыносимой подопечной, но и оно утешает... Особенно ей нравится эпитет «старая перечница». Она выбирала его не один день: хотелось, чтобы это было нечто обидное, но без пошлости, унижительное — без грубости. Словом, сравнение, которое попало бы в десятку и выразило ее мнение о происходящем. Еще один повод для гордости — выражение «Я возвращаю вам фартук!». В паре с выразительным жестом это не может не произвести впечатления. Лаконично и эффективно. На случай, если до старой перечницы еще не дошло.

Жаль только, что Мишель ничего подобного позволить себе не может. Уход за Жермен Дэтти — ее основная работа,

Слова признательности

Спасибо Жан-Полю Маранинчи за то, что, где бы он ни был, в Нумеа или на Кальви, он всегда готов ответить на мои вопросы.

Спасибо Оливье Боге за его ценные советы, важные замечания и снисходительность к моему полнейшему незнанию полицейских реалий.

Спасибо Дельфине Наоз за ее добросовестную вычитку и проницательность.

И еще спасибо Кассии.

СОДЕРЖАНИЕ

Жоаким Фалле	5
---------------------------	---

РАНЕЕ, В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Алин Верду, 43 года, и Тео Верду, 15 лет	14
Жермен Дэтти, 83 года, и Мишель Бурдые, 59 лет	22
Леа Фронсак, 27 лет	29
Гийом Вандеркерен, 24 года	32
Жеральдин Марбо, 36 лет, и Феликс Марбо, 8 лет	37
Тома Пессен, 32 года, и Софи Шене, 22 года	41
Мини-маркет	48
Жоаким Фалле	51
Леа Фронсак	55
Жоаким Фалле	60
Гийом Вандеркерен	64
Алин Верду	67
Мишель Бурдые	70
Тео Верду	75
Алин Верду	80
Гийом Вандеркерен	85
Леа Фронсак	90
Тео Верду	91
Тома Пессен	95
Тео Верду	99
Гийом Вандеркерен	104

Софи Шене	108
Жермен Дэтти	112
Алин Верду	117
Феликс Марбо	122
Алин Верду	125
Леа Фронсак	129
Жермен Дэтти	133
Феликс Марбо	137
Жермен Дэтти	140
Тома Пессен	144
Софи Шене	149
Мадам Пессен	155
Франсис Вилер	161
Лейтенант Небель	168
Эмиль Фронсак	172
Алисия Вилер	178
Тома Пессен	185
Эмиль Фронсак	192
Фредерик Карпантье	197
Алисия Вилер	202
Жермен Дэтти	210
Небель	220
Франсис Вилер	221
Алисия Вилер	224
Тео Верду	228
Франсис Вилер	234
НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ	239
Слова признательности	252

Літературно-художнє видання

АБЕЛЬ Барбара
Безвинність катів

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Відповідальний за випуск *М. І. Коміна*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 11.07.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

АБЕЛЬ Барбара
Невинность палачей

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Ответственный за выпуск *М. И. Комина*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 11.07.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Дія відбувається в маленькому продуктовому магазині на вулиці де-Терм, де грабіжник тримає відвідувачів у заручниках. Підлітку, який був у приміщенні з матір'ю, вдається вихопити пістолет у грабіжника. Хвилину по тому лунає постріл. Злочинець отримує кулю в спину, а це означає, що влада не зарахує постріл як самозахист. І тієї миті, коли, здавалося б, відвідувачам вже нічого боятися, мати хлопця бере до рук зброю та наказує всім залишатися на своїх місцях.

Абель Б.

A14 Невинность палачей : роман / Барбара Абель ; пер. с фр. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 256 с.

ISBN 978-617-12-1320-3 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3652-8 (Россия)

ISBN 978-2-7144-6029-5 (фр.)

Действие происходит в маленьком продуктовом магазине на улице де-Терм, где грабитель держит посетителей в заложниках. Подростку, находящемуся в помещении с матерью, удается выхватить пистолет у грабителя. А через минуту раздается выстрел. Преступник получает пулю в спину, а значит, власти не считают выстрел как самозащиту. И в тот момент, когда, казалось бы, посетителям уже нечего бояться, мать мальчика берет в руки оружие и приказывает всем оставаться на своих местах.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)